тыла путемъ террора является прямой необходимостью». Но тогда была гражданская война, тогда трусы большевики прикрывались лицемѣрной самозащитой, обильно цитируя фразы и слова французской революціи. Тревожа тѣни суровыхъ патріотовъ, такъ мало походившихъ на руководителей третьяго интернаціонала. Тогда Россія переживала горячечный бредъ большевизма. И когда гражданская война ослабѣла, то для обмана европейскаго общественнаго мнѣнія былъ изданъ циничный декретъ — объ отмѣнѣ смертной казни. «Разгромъ контръ - революціи во-внѣ и внутри, — гласилъ этотъ декретъ, — уничтоженіе крупнѣйшихъ тайныхъ организацій контрреволюціонеровъ и бандитовъ и достиженіе мутное этимъ укрѣпленіе совѣтской власти даютъ возможность рабоче - крестьянскому правительству отказаться отъ примѣненія высшей мѣры наказанія, т. е. разстрѣловъ, по отношенію къ врагамъ совѣтской власти, революціонный пролетаріатъ и революціонное правительство совѣтской Россіи съ удовлетвореніемъ констатируетъ, что разъ тромъ вооруженныхъ силъ контръ - революціи даетъ имъ возможность отложить въ сторону оружіе террора»...

Въ Европѣ декретъ 17 января 1920 г. вызвалъ надежды облегченія. Въ лѣвыхъ кругахъ повѣрили, хотѣли повѣрить въ конецъ красного террора. Но лишь немногія газеты опубликовали январскій декретъ цѣликомъ, именно его указывалось, что «возобновленіе Антантой попытокъ оружіемъ вооруженнаго вмѣшательства или матеріальной поддержкой мятежныхъ царскихъ генераловъ» вынуждаетъ, могъ, «возвращеніе къ методамъ террора». Декретъ заканчивался указаніемъ, что «отнынѣ отвѣтственность за возможное въ будущемъ возвращеніе совѣтской власти къ жестокому методу краснаго террора» возлагается на Антанту и «дружественныхъ ей русскихъ помѣщиковъ и капиталистовъ»...

Не считая этой оговорки объ интервенціи, совѣтская власть ровно десять лѣтъ назадъ «отмѣнила» смертную казнь.

3.

Разсказываютъ, что вскорѣ опубликованія этого декрета во всѣхъ чрезвычайкахъ шла напряженная работа. Палачи торопились поскорѣе разстрѣлять наиболѣе

«Трудъ» сообщаетъ:

«Въ Минскомъ кафедральномъ костелѣ, въ одномъ изъ придѣловъ, обнаруженъ потайной складъ книгъ, оставленныхъ со времени бѣлоэмигрантской оккупаціи бѣжавшими изъ Минска польской буржуазіей и ксендзами. Книги, исключительно контрреволюціоннаго характера, въ теченіе десяти лѣтъ укрывались костельнымъ совѣтомъ. Среди книгъ обнаружены также патріотическіе портреты и фотографіи».

Надо откликнуться!

Не взирая на обиліе сборовъ на всякаго рода общественно - благотворительныя цѣли, сборъ въ пользу туберкулезныхъ медленно, но начинаетъ «развертываться». Обычаемъ принятъ отъ обиліи сборовъ, жмется послѣ уплаты домовладѣльцу квартирной платы въ январскій «терм», — и, тѣмъ не менѣе, начинаетъ вносить свою дѣлу и на туберкулезныхъ. Нѣкоторые несутъ на почту свой взносъ, не дожидаясь прихода сборщиковъ, другіе — послѣ того, какъ сборщики у нихъ побывали и не застали, третьи — не разсчитывая на то, что сборщики придутъ въ ихъ болѣе или менѣе отдаленный районъ. Не только русскіе, живущіе не Франціи, откликаются на призывъ о помощи туберкулезнымъ, но начали поступать пожертвованія и изъ Швейцаріи, Бельгіи и другихъ странъ.

Данный сборъ представляетъ собою ту особенность, что онъ производится не какой - либо одной опредѣленной организаціей, а — группою организацій. Въ составъ Объединеннаго Общественнаго Комитета помощи туберкулезнымъ вошли, какъ тому же, общественные дѣятели самыхъ разнообразныхъ направленій, что придаетъ сбору характеръ сугубой безпартійности и аполитичности. Давая свои 10, 20 или 50 франковъ, жертвователь имѣетъ полную гарантію въ томъ, что собранныя суммы будутъ распредѣлены между туберкулезными, внѣ какой бы то ни было зависимости отъ ихъ политическихъ взглядовъ, соціальнаго происхожденія, вѣроисповѣданія. Ибо туберкулезъ, увы, коситъ свои жертвы и среди правыхъ и среди лѣвыхъ, и среди князей, и среди крестьянъ, и среди эллиновъ, и среди іудеевъ... Каждый зарасный больной, къ тому же, имѣетъ естественное, право самъ выбрать тотъ методъ леченія, который ему кажется наиболѣе вѣрнымъ, и благотворительная организація, выдавая по собія на питаніе, не можетъ и не должна хотя бы косвенно побуждать къ леченію по тому или иному научно - врачебному методу.

Дѣлая посильный взносъ на ту или иную благотворительную цѣль, обыватель, естественно, имѣетъ полное право знать не только на что проситъ дать пожертвованіе, но и то, кому поручается распредѣленіе собранныхъ пожертвованій, т. е., насколько распредѣлительный органъ даетъ гарантіи безпристрастности и контроля, насколько онъ проникнутъ духомъ подлинной общественности. В данномъ случаѣ, симпатіи привлекаетъ преслѣдованіе чисто благотворительной цѣли въ атмосферѣ общественнаго подхода къ вопросу, полнаго и дѣйственнаго игнорированія политическихъ и религіозныхъ взглядовъ того или иного туберкулезнаго больного. При сочувственіи цѣлямъ сбора, при довѣріи и общественной симпатіи къ его устроителямъ, какъ бы ни былъ перегруженъ благотворительный бюджетъ отдѣльныхъ русскихъ бѣженцевъ, они не могутъ не откликнуться на обращенный къ нимъ призывъ и, конечно, на него и откликнутся.

С. Ф—чъ.

„Прежняя Москва"

ТАТЬЯНИНЪ ВЕЧЕРЪ

Программа традиціоннаго бала Московскаго Земляченства, устраиваемаго по всѣхъ залахъ Лютеціи 26-го января, пополнилась рядомъ новыхъ выдающихся номеровъ: кромѣ балета «Прежняя Москва», въ постановкѣ перваго танцовщика Большого Театра, А. Е. Волинина и при участіи прима - балерины А. М. Балашовой съ партнеромъ А. А. Долиновымъ, выступятъ японскіе артисты — танцовщица **Фаногтоши** и извѣстный пѣвецъ - теноръ **Іошинори - Матцуяма** (классическія аріи и народныя пѣсни). Выступитъ также извѣстная виртуозка на арфѣ, москвичка Е. Л. Саблина.

Въ кабаре любезно согласились участвовать популярная оперетчная примадонна Е. В. Потопчина. Выступятъ также г жи Волынская и Лабунская — «Малиновская Бабы», Ансамбль театра «Орленокъ» подъ управленіемъ Г. С. Глѣбова. Въ устраиваемую, по примѣру прошлыхъ лѣтъ большую лотерею широко притекаютъ выигрыши. Дамская комиссія заканчиваетъ организацію буфетовъ въ каждомъ изъ залъ по самымъ доступнымъ цѣнамъ.

Вести отовсюду

— Сгорѣлъ до основанія монастырь Сакре - Каръ въ Онвикѣ, близъ Брюсселя. Убытки достигаютъ 2 милліоновъ фр.

— Въ Нью - Іоркѣ скончался извѣстный американскій художникъ - пейзажистъ, Джорджъ Гардней - Саймонсъ.

— Эпидемія оспы продолжаетъ свирѣпствовать въ Англіи. Въ одномъ Лондонѣ зарегистрировано 460 заболѣваній.

— На 76 году жизни, скончался въ Брюсселѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ банкировъ въ Бельгіи, баронъ Кассель. Банкъ Кассель и Ко, во главѣ котораго стоялъ покойный, основанъ болѣе 100 лѣтъ назадъ.

— Гостящій сейчасъ въ Варшавѣ, предсѣдатель испол. ком. всемірной сіонистской организаціи, Н. Соколовъ, былъ принятъ президентомъ республики, Мосцицкимъ.

— Въ Витербе, въ окрестностяхъ Рима, нѣкій Маркомени, антифашистъ, произвелъ нападеніе на двухъ милиціонеровъ. Одинъ убитъ, другой — тяжело раненъ. Убійца арестованъ.

— Если вѣрить «Юманитэ», въ одномъ Берлинѣ насчитывается сейчасъ до 500.000 безработныхъ.

— Берлинская полиція запретила кому нистамъ организацію демонстраціи по случаю годовщины убійства Либкнехта.

Потомокъ короля Богеміи

Какъ утверждаютъ нѣкоторыя американскія газеты, недавно выяснилось, что въ жилахъ сенатора Бора течетъ королевская кровь. Его предокъ былъ королемъ Богеміи. Изгнанный оттуда, онъ эмигрировалъ во Францію и женился на французской принцессѣ.

Самъ Бора заявилъ журналистамъ, что до сихъ поръ не имѣлъ представленія о своемъ королевскомъ происхожденіи, но узнаетъ сейчасъ же изученіемъ своей родословной.

„Современныя Записки"

15 января поступила въ продажу 41-я книга «Современныхъ Записокъ». Содержаніе: 1. Ив. Шмелевъ: Солдаты (романъ). 2. В. Сиринъ: Защита Лужина. 3.-5. Стихи Н. Оцупа, А. Ладинскаго, Д. Кнута, 6. Д. Мережковскій: Атлантида. 7. Вл. Ходасевичъ: Державинъ. 8. В. Маклаковъ: Изъ прошлаго. 9. П. Милюковъ: Судъ надъ кадетскимъ «либерализмомъ». 10. М. Вишнякъ: Изъ исторіи гражданской войны. 11. М. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ. 12. Ст. Ивановичъ: Путь англійскаго соціализма. 13. Г. Федотовъ: Новая Россія. 14. С. Загорскій. Эволюція новѣйшей Россіи. Культура и Жизнь. 15. И. Альтшулеръ: О Чеховѣ. 16. М. Цетлинъ: Чеховъ. 17. Г. Адамовичъ: Начало. 18. А. Кизеветтеръ: М. Богословскій и А. Прѣсняковъ. 19. Критическія и библіографическія замѣтки Ф. Степуна, М. Цетлина, М. Осоргина, М. Алданова, П. Бицилли, Д. Чижевскаго, И. Хераскова, А. Кизеветтера, Г. Федотова, Ст. Ивановича, Г. Ловицкаго.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ
„ПОСЛѢДНИХЪ НОВОСТЕЙ"
могутъ пріобрѣтать выпущенную
15-го ЯНВАРЯ 41-ю книгу
журнала
„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"
по 10 франковъ (вмѣсто 25 фр.) за каждую ВО ФРАНЦІИ и по 14 франк. (вмѣсто 1 долл.).—ЗАГРАНИЦЕЙ. Для этого подписчики представляютъ въ контору «Послѣднихъ Новостей», съ одновременно съ указанными суммами, подписную квитанцію или банкеровъ, нотъ которой они получаютъ газету, а лица, покупающіе газету въ розницу — ПЯТЬ ТАКИХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, вырѣзанныхъ изъ газетныхъ номеровъ сп. При выполненіи этихъ условій, всѣ подписчики и читатели «Послѣднихъ Новостей» могутъ пріобрѣтать по тѣмъ же льготнымъ цѣнамъ и предыдущіе шесть книгъ «Современныхъ Записокъ» (пом. 35, 36, 37, 38, 39 и 40-й). Деньги за журналъ можно посылать по почтѣ или вносить въ контору газеты:
51, rue Turbigo, Paris (3).

— Англійскій ввозъ въ 1929 году достигъ 1221591069 ф. ст. — на 25992649 ф. ст. болѣе чѣмъ въ 1928 г. Вывозъ выразился въ суммѣ 729554697 ф. ст. — на 3975878 ф. больше, чѣмъ въ 1928 году.

КАФЕ - РЕСТОРАНЪ
„ПРАДО" 41, Av. Wagram, Tél.: Wagr. 04-10, 04-11.
Открыто съ 4 час. дня до 2 час. ночи. А. СКРЯБИНЪ со своимъ извѣстнымъ хоромъ казаковъ и балалаечниковъ, при уч. солист.: ГАМАЛѢЯ, КОШЛАКОВА и ШИЛО

Юшкевичъ

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНІЙ

Петербургъ. «Сѣверная» гостиница. Вечеръ. Собираемся въ гости къ Андрееву. За окнами, сквозь косо падающаго снѣга, въ яркомъ свѣтѣ фонарей, сверкаетъ тяжелый памятникъ Александру III.

Садимся въ сани, легкихъ вихрь по Невскому. Снѣгъ заслѣпляетъ глаза, леденитъ вѣки, то и дѣло закрываю лицо мѣховой муфтой... Вотъ и бѣлая Нева, длинный мостъ и наконецъ Каменноостровскій. Останавливаемся у новаго дома, входимъ, озябшіе въ подъѣздъ, поднимаемся на лифтъ.

Хозяинъ встрѣчаетъ насъ очень радушно. Знакомитъ со своей матерью, худой, еще не старой женщиной, въ черномъ платьѣ. Она сидитъ за самоваромъ. За столомъ, кромѣ Сѣнтальца, еще новыя лица. Слышу: Серафимовичъ, Юшкевичъ, Копельманъ...

Мнѣ указываютъ мѣсто около матери Андреева. Съ интересомъ смотрю на нее, на ея грустное лицо. Она привѣтлива, рада, что я «москвичка»: къ Петербургу она еще не привыкла, чувствуетъ себя въ этомъ «холодномъ» городѣ какъ-то стѣснительно. Слушая ея низкій, немного хриплый голосъ и улыбаясь, какъ много она куритъ, я начинаю разглядывать сидящихъ на другомъ концѣ стола.

Отъ смущенія, здоровясь, я не запомнила, кто Юшкевичъ, кто Серафимовичъ, кто Копельманъ. Начинаю гадать. Тотъ, съ выпученными глазами господинъ ужъ очень не похожъ на писателя. Рѣшаю и правильно: это Копельманъ, издатель «Шиповника». Но кто же Юшкевичъ, кто Серафимовичъ? Ни какъ не пойму: у обоихъ большія лица и мало волосъ, оба заикаются, хотя и не разно ху. Только у того, кто ниже ростомъ, огромные желтые зубы, калмыцкіе скулы и совѣмъ голый желтый черепъ, который онъ часто съ какой - то ехидной усмѣшечкой поглаживаетъ. А высокій (человѣкъ, видно, съ большимъ темпераментомъ), съ жестами, прерывистымъ голосомъ, что-то громко разсказываетъ о театрѣ Комиссаржевской.

За ужиномъ меня посадили между Юшкевичемъ и Серафимовичемъ. Но я все еще не могу опредѣлить, кто изъ нихъ кто?

Сѣдѣть, вино поднимаютъ настроеніе, всѣ заговорили громче обычнаго. Закипѣли споры, посыпались имена: Городецкій, Сологубъ, Арцыбашевъ... Громче всѣхъ кричалъ, больше всѣхъ горячился, восхищался этими тоже модными писателями мой сосѣдъ слѣва — вотъ онъ - то и оказался Юшкевичемъ.

— Вы, какъ негръ, Юшкевичъ, — ласково говоритъ, обращаясь къ нему, И. А.: — какъ негръ, который всегда носитъ самые модные воротнички.

— А вы, — отрывисто бросаетъ Юшкевичъ, — вы не хотите никогда видѣть въ модномъ ничего хорошаго, и же люблю искать, мнѣ старое быстро надоѣдаетъ...

— Хорошее, талантливое никогда не должно надоѣдать, возражаетъ И. А. — Да и откуда вы взяли, что я не хочу видѣть та лента тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно есть? Только, на бѣду, я его такъ рѣдко вижу.

— Нужно искать и искать! — не слушая, кричитъ Юшкевичъ. — Вотъ, напримѣръ, Рукавишниковъ...

Но мое вниманіе отвлекается Копельманомъ, который, съ нажимомъ произноситъ каждое слово и ударяя указательнымъ пальцемъ по воздуху, поучаетъ:

— Нѣтъ, теперь наступаетъ время романа... Леонидъ Николаевичъ долженъ писать романъ. Короткіе разсказы отжили свой вѣкъ...

Андреевъ, отхлебывая чай, хитро прищуриваетъ глаза, слушаетъ съ усмѣшкой и молчитъ.

Молчитъ и Скитальецъ, временами надувая, какъ индѣйскій пѣтухъ, свою богатырскую шею.

Возвращаясь домой, я разспрашивала И. А. о своихъ новыхъ знакомыхъ, — что они за люди. Неистовство Юшкевича, многозначительное молчаніе Скитальца, ехидство Серафимовича, — все удивило меня.

— Юшкевичъ нравится мнѣ, — замѣтилъ И. А. — Онъ всегда несетъ и съ Дона и съ моря, но человѣкъ талантливый, живой, органическій, а вотъ Серафимовича терпѣть не могу. Обратила ты вниманіе на его лошадиные зубы?

***

Ранняя одесская весна. Мы, по пути въ Аджаръ, гостимъ въ этомъ чудесномъ городѣ, гдѣ ежегодно проводимъ нѣсколько недѣль. Въ Одессѣ у И. А. много пріятелей, среди нихъ Юшкевичъ. Юшкевичъ въ радостномъ настроеніи: Художественный театръ принялъ къ постановкѣ его пьесу «Miserère» — и ему очень захотѣлось показать близкихъ ему людей со своей новинкой. «Въ награду за слушаніе» онъ обѣщалъ угостить «настоящимъ еврейскимъ обѣдомъ».

— Съ селедочкой по всѣхъ видахъ, со всякими гусиными, куриными пупочками и не чеснокомъ, — говоритъ онъ со смакомъ, поднося щепотку правой руки къ губамъ.

Обѣдъ былъ назначенъ въ необычное время: въ два часа дня.

Юшкевичъ встрѣчаетъ насъ съ милой улыбкой и вводитъ въ тѣсно заставленную столовую.

На пианино стоятъ раскрытыя дѣтскія ноты. Отъ всего вѣетъ семейнымъ уютомъ.

Черезъ минуту выходитъ жена Юшкевича, съ прелестной бѣлокурой толстушкой, дѣвочкой лѣтъ семи, Наташей.

Въ ожиданіи обѣда она занимаетъ меня. Я узнаю нѣкоторыя черты ихъ жизни. Они, оказывается, никогда не разстаются и всегда возятъ дочку съ собой, когда нужно ѣхать куда нибудь. С. С. очень нѣжный семьянинъ, Наташу обожаетъ, много возится съ ней, радуется ея успѣхамъ: она очень музыкальная дѣвочка...

За этимъ, для насъ экзотическимъ обѣдомъ, очень обильнымъ, нѣсколько тяжелымъ, но необыкновенно вкуснымъ, споровъ не возникало: рѣдкій случай въ обществѣ Юшкевича. Всѣ эти селедочки, пупочки, разсольникъ, фаршированная щука, курица, настраивали на лирически - мирный ладъ, нѣсколько разспрашивали Юшкевича о его дѣтствѣ, юности, и онъ съ большой охотой разсказалъ кое - что о себѣ.

Мы узнали, что онъ родился и выросъ гдѣ то около порта, что портовая жизнь ему знакома въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, лучше, чѣмъ «всякому Горькому», что у отца его, очень сильнаго человѣка, «при мо богатырѣ», была замѣчательная на всю Одессу голубиная охота, что ему хотѣлось бы написать книгу о ней, что онъ самъ до самозабвенія любилъ, стоя на крышѣ съ шестомъ въ рукахъ, гонять голубей..., что изъ за нихъ, да изъ за любви къ людямъ, къ базару, онъ не могъ учиться и что ему пришлось разстаться съ гимназіей очень рано... Только уже впослѣдствіи, въ Парижѣ, онъ окончилъ медицинскій факультетъ. Разсказалъ онъ и о началѣ своей литературной дѣятельности: это была пьеса, которую онъ писалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Павломъ... Первый разсказъ его появился въ «Одесскомъ Листкѣ».

— Что за счастливый день былъ, когда мнѣ сказали, что разсказъ принятъ, я какъ въ угарѣ жилъ! — сказалъ онъ.

— Счастливѣй, чѣмъ теперь, когда пьеса принята Художественнымъ театромъ? — спросилъ И. А. Нилусъ.

— И сравнить нельзя! Тогда при одной мысли объ этомъ сердце жгло!

— А трудно писать пьесы? — спросила я.

— Для меня легче, чѣмъ разсказы. Я вѣдь все слышу, а не вижу... Вы какъ, Иванъ Алексѣевичъ, вы, вѣроятно, больше видите?

— Не знаю, мнѣ кажется — и вижу и слышу.

— А я только слышу, — повторилъ Юшкевичъ, — поэтому то мнѣ и пятенъ такъ діалогъ.

Послѣ обѣда началось чтеніе. Слушать послѣ обѣда было трудненько, хотя Юшкевичъ читалъ всегда очень хорошо и—страннымъ, читая, совсѣмъ не запахался. Пьеса всѣхъ понравилась. Самъ же авторъ, какъ всегда, когда ему что удавалось, радовался, какъ ребенокъ, волновался на пьесу большія надежды, не скрывалъ гордости, что увидитъ ее въ Художественномъ театрѣ, подчеркивалъ, что онъ теперь чувствуетъ, что «выходитъ изъ быта», что бытъ въ ней «только фонъ», что «вообще бытъ надоѣлъ» ему, что пора писать «какъ то иначе»...

***

Мягкій весенній вечеръ. Послѣ шумнаго обѣда въ низкѣ у Кузнецова, послѣ бесконечныхъ споровъ объ Игорѣ Сѣверянинѣ, которымъ съ легкой руки Сологуба стали увлекаться многіе и который тогда недавно былъ въ Одессѣ, мы гуляемъ по Николаевскому бульвару. Я иду съ Юшкевичемъ. Вдругъ онъ останавливается и смотритъ на мальчишку, идущаго колесомъ.

— Вотъ моя тема, — вскрикиваетъ онъ, — а всѣ эти звѣзды, деревья — для другихъ! Меня интересуютъ люди и только люди...

Я спросила, помогаетъ ли ему въ работахъ его жена и что вообще она дѣлаетъ?

— Зачѣмъ ей что нибудь дѣлать? — воскликнулъ онъ, даже останавливаясь.—Я никогда на допущу этого. Я хочу, чтобы она только радовалась и никакихъ бы заботъ у нея не было. Пусть радуется дочкѣ, солнцу, цвѣтамъ, жизни. Пусть влюбляется! Вѣдь какая несправедливость! Я до нея любилъ, былъ женатъ, а ее взялъ въ самомъ расцвѣтѣ... Я вѣдь съ ней познакомился, когда ей и 14 лѣтъ еще не было, — какъ только кончила она гимназію, такъ и женился на ней. Я совсѣмъ не дѣлъ ей пожить на свободѣ, беззаботной дѣвичьей жизнью...

Я слушала его съ большимъ удивленіемъ, не понимая, шутитъ ли онъ или говоритъ серьезно? Вообще, если охарактеризовать однимъ словомъ мое впечатлѣніе отъ Юшкевича, вѣчно что то доказывавшаго, сыпавшаго парадоксами, смѣлыми сужденіями, вызывавшаго всѣхъ и каждаго на словесный тур

скаго, что написаны ими недлинным «классовым журналистомъ». Классовых журналистовъ, грамотныхъ, многоопытныхъ, практически изучившихъ курсъ старой русской журналистики, занимавшихъ такія роли, просидѣвшихъ редакціонныя, рецензентскія и театральныя кресла, исколесившихъ и родину и чужбину съ корреспондентскими билетами, знающихъ, какъ набираютъ наборщикъ, какъ верстаетъ метранпажъ, какъ ругается «ночной редакторъ», какъ отбиваютъ матрицы и отливаютъ цилиндръ и какъ мечетъ бумажные блины «ротаціонная», — такихъ журналистовъ, ничему не удивляющихся, ко всему готовыхъ и себе собѣшихъ въ любой моментъ, когда ихъ разбудитъ, написать на любую тему хорошую, толковую и грамотную статью, — осталось очень мало: осколки удивительной арміи ни циклопедистовъ, бойцовъ противъ цензуры нѣхъ режимовъ и солидаталей «общественнаго мнѣнія». Пильскій — одинъ изъ этихъ послѣднихъ могикановъ. Въ Россіи они почти рали и выдохлись, здѣсь, за рубежемъ ихъ способностямъ нѣтъ достойнаго примѣненія при малой нашей читательской аудиторіи.

Когда такой журналистъ пишетъ книгу, для него это — сладкій отдыхъ и сознательнодѣйствіе: вѣдь это остается, въ это никакая Дунина не заверчетъ барышны стопчатыми бантами, какъ она дерзко поступаетъ съ газетами. И потому на журналистскихъ воспоминаніяхъ всегда почіетъ хорошее спокойствіе и доброта отношенія къ людямъ: уже не ради злобы дня, не для полемики, а для памяти о людяхъ и ихъ дѣяніяхъ. И въ сборникахъ отбирается самое лучшее и пріятѣйшее, статьи удачи и искренности.

Пильскій пишетъ преимущественно о младшихъ богахъ литературнаго и театральнаго Олимпа: отъ Сологуба и Комиссаржевской — и ниже, до Вербицкой и Вертинскаго; впрочемъ классификація «боговъ» — дѣло спорное. Лучше всего онъ пишетъ о женщинахъ, которымъ и удѣляетъ много главъ въ своихъ книгахъ. Въ его характеристикахъ, всегда мѣткихъ, не мало спорнаго: не всегда самое существенное получаетъ наиболѣе яркую оцѣнку, и порою сказы вается газетная привычка считать «сего - длиннѣе» наиболѣе важнымъ. Но эти мелочи — о Перухинѣ. Посвящая добрыя строки этому изумительному труженику, до самой смерти не положившему пера (а онъ былъ двадцать пять лѣтъ на положеніи «ум

ЛЕЧЕНІЕ ТУБЕРКУЛЕЗА ТРЕБУЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОМОЩИ. ПОМОГИТЕ БОЛЬНЫМЪ ПОБОРОТЬ ИХЪ ТЯЖЕЛЫЙ НЕДУГЪ

ряющаго отъ чахотки»!), Пильскій назвалъ съ его «однимъ изъ освѣдомленнѣйшихъ людей» по вопросу о Наполеонѣ: «онъ изучилъ богатѣйшую французскую, нѣмецкую и отчасти англійскую литературу». Увы, Перухинъ едва разбирался въ иностранныхъ языкахъ, — даже плохо говорилъ по нѣмецки, прожилъ въ Римѣ двадцать лѣтъ; и несчастіе этого, повторяю, изумительнаго работника и прекраснаго человѣка было въ его полной необразованности. Но поставить Пильскому въ вину такія неточности было бы грѣхомъ: онъ любитъ тѣхъ, о коихъ говоритъ, и, любя ихъ, хочетъ видѣть ихъ лучшими, додѣлать имъ дружескимъ перомъ то, чего они, порою, были лишены.

Читая книги Пильскаго, чувствуешь, что досугъ позволилъ ему издать въ бумажномъ переплетѣ (а не на широкомъ газетномъ листѣ, столь привычномъ и столь неблагодарномъ), только немногое: воспоминанія о сергѣчкахъ рвутся и просятся, — но заглядать ихъ некогда; многіе попутные порчерты зарисованы лишь однимъ штрихомъ, много именъ только названо, — а и о нихъ есть что сказать человѣку, который видѣлъ и запоминалъ не случайно, а такъ сказать, по профессіи, разомъ отчерчивая въ памяти контуры встрѣчъ случайныхъ и неслучайныхъ. Правда, П. Пильскій еще далеко не въ «мемуарномъ» возрастѣ, и время ждетъ. Во всякомъ случаѣ журналистъ такого опыта, такой наблюдательности и такихъ литературныхъ способностей можетъ всегда расчитывать на то, что его характеристики и воспоминанія будутъ прочтены съ интересомъ и хорошо запомнятся.

Мих. Ос.

ХОРОШЕЕ ЖИЛИЩЕ И УЛУЧШЕННОЕ ПИТАНІЕ ПОМОГАЮТЪ УСПѢШНО БОРОТЬСЯ СЪ ТУБЕРКУЛЕЗОМЪ. ЖЕРТВУЙТЕ НА БЛАГУЮ ЦѢЛЬ!

такъ онъ относился къ Бунину всегда, особо подчеркивая аполитичность своего отношенія къ писателю - художнику. Еще мелочь — о Перухинѣ. Посвящая добрыя строки этому изумительному труженику, до самой смерти не положившему пера (а онъ былъ двадцать пять лѣтъ на положеніи «ум

Московскій журналъ «На постѣ» въ объявленіяхъ своихъ на 1930 годъ обѣщаетъ читателямъ «разрабатывать исключительно самые актуальные вопросы литературной со временности». Во исполненіе этой программы, очевидно, въ послѣднемъ номерѣ «На постѣ» напечатана громовая статья Фадѣева.

— «Долой Шиллера».

Не какого - нибудь новоявленнаго, совѣтскаго, Шиллера, а того самаго, знаменитаго, стараго... Фадѣевъ обнаруживалъ у Шиллера идеалистическій уклонъ и, что еще хуже, мелкобуржуазное представленіе о свободахъ». Вотъ, напримѣръ, Карлъ Моръ, надъ нимъ долго будутъ смѣяться.

По мнѣнію г. Пьера, дѣло касается не столько личныхъ пререканій того или другого писателя, сколько «всей свободы искусства». И онъ патетически спрашиваетъ:

«Возможна-ли эта свобода при режимѣ диктатуры и цензуры, — да или нѣтъ?

* * *

На прошлой недѣлѣ въ Парижѣ читалъ двѣ лекціи Маринетти, «вождь футуристовъ всего міра», какъ онъ самъ себя величаетъ. Футуризмъ родился до войны. Въ качествѣ «вождя» его, Маринетти пріѣзжалъ еще въ Петербургъ и тоже читалъ лекціи... Тогда онъ былъ юнъ и порывистъ, теперь объ ріотъ, объ ріотъ, отжелѣзъ. Но впрочемъ ему, декламирую свои стихи, подражать то орудійной канонадѣ, то свисту пронеле - ровъ, то вою волковъ.

Главная перемѣна та, что тогда Маринетти былъ въ оппозиціи всему оффиціальному. А теперь онъ членъ Королевской Академіи.

Маринетти говоритъ:

— Что такое Италія? Это стальная пловчадка, рвущаяся въ небо... Къ солнцу. На ней стоитъ два человѣка: Муссолини и я.

Ему не безъ основаніи замѣтили, что на стальной «пловчадкѣ» придется потѣшиться и устроить мѣстечко Габріэлю д-Аннунціо.

Скимѣръ.

Отклики

пролетарскихъ поэтовъ». Или, наконецъ, что П. Дороховъ «работаетъ подъ рядомъ небольшихъ произведеній для малограмотныхъ».

Какъ малограмотные будутъ читать небольшія произведенія Дорохова, — этого «Бюллетень», къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

* * *

«Нувель Литературъ» посвятилъ статью пильнаго - замѣчнскому «пишлену. Оценѣ доміеніе дано, въ общемъ, правильное, и правильно освѣщена роль Горькаго въ этомъ дѣлѣ. Но заключительный вопросъ автора замѣтки, г. Андрэ Пьера, настолько пишетъ, что если его прочтутъ въ Москвѣ, надъ нимъ долго будутъ смѣяться.

По мнѣнію г. Пьера, дѣло касается не столько личныхъ пререканій того или другого писателя, сколько «всей свободы искусства». И онъ патетически спрашиваетъ:

«Возможна-ли эта свобода при режимѣ диктатуры и цензуры, — да или нѣтъ?

* * *

Послѣ Шиллера естественно вспомнить Гете.

Не желая отставать отъ «непостовцевъ», другой московскій журналчикъ «Молодая Гвардія» посвящаетъ Гете нѣсколько невдохновенныхъ строкъ, за подписью т. Кинъ.

Тов. Кинъ находитъ, что Гете былъ «не изуччимъ изъ нѣмецкихъ лирикоръ, напыщеннымъ прозаикомъ, нерѣдко слабымъ драматургомъ, весьма посредственнымъ ученымъ, рабольнѣйшимъ царедворцемъ, самомюбленнымъ и завистливымъ человѣкомъ».

* * *

Интересно бываетъ иногда просмотрѣть сообщенія — «Надъ чѣмъ работаютъ совѣтскіе литераторы». Узнаешь въ двухъ словахъ важныя литературныя новости.

Напримѣръ, что М. Голодный готовитъ «книгу стиховъ о сострахованіи». Или что И. Перегудовъ сказалъ въ печать романъ, въ которомъ «на пламенѣющемъ фонѣ Великой Французской Революціи отчетливо вырисовываются первые громы грядущихъ

Новая книга Ю. Деревскаго

Печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ, въ издательствѣ Giard новая книга Ю. Деревскаго на французскомъ языкѣ:

J. Delevsky, Les antinomies socialistes et l'évolution du socialisme français.

Книги для отзыва

Въ ред. «Посл. Новъ» поступили слѣд. книги для отзыва:

Г. Симонъ. Евреи царствуютъ въ Россіи. Изд. «Родникъ». Парижъ.

Лазарь Кельберинъ. Идолъ (стихи). Парижъ.

Сельско-хоз. бюллетень. Ноябрь-декабрь 1921. Кишиневъ.

Quatrième Cahier. 1929. Paris.

Получено для отзыва отъ книжнаго магазина и издательства М. Поволоцкій и Ко въ Парижѣ.

Колесниковъ. «Дарданельская опера - ція». Изд. ГИЗ. Москва 1930 г.

Г. Берндорфъ. «Шіонажъ». Изд. «Міръ». Рига.

Вышеславскій. «Американскій Автомобилизмъ». Изд. ГИЗ. Москва 1930 г.

вмиръ, то это было прежде всего — удивленіе.

* * *

Проводимъ лѣто на дачѣ подъ Одессой. Юшкевичъ, какъ всегда, живетъ на самой шумной станціи, на Большомъ Фонтанѣ; въ тихихъ, уединенныхъ мѣстностяхъ онъ жить не любитъ и даже боится, — ему бы по скучно, уныло безъ толпы, шума, тромзайныхъ звонковъ. Въ это лѣто онъ особенно бодръ, веселъ — сезонъ у него былъ удачный: его комедія «Бѣсъ», несмотря на всѣ лакадки желтой прессы, шла въ Одессѣ съ аншлагомъ всю зиму. Кромѣ того онъ только что кончилъ большую повѣсть «Вышла изъ круга», теперь носится съ новой идеей: «Надо выйти изъ круга!» — не умѣя, однако, объяснить, что это значитъ. Онъ только заводитъ на эту тему безконечныя разговоры, стараясь всѣхъ и каждаго заинтересовать необходимостью «выйти изъ круга», увѣряетъ, что жить дальше такъ нельзя и опять повторяетъ, что писать нужно какъ - то по иному — и спорить, спорить безъ конца.

Споръ былъ его стихіей, но спорилъ онъ не такъ, какъ спорили русскіе спорщики былыхъ временъ по всеоружію діалектики, выслушивая внимательно противника и ловко нападая на слабую сторону его, неустанно стараясь отстаивать истину, вытекающую изъ логическихъ построеній. Юшкевичъ спорилъ какъ бы для себя самого, часто совсѣмъ не слушая собесѣдника, отгуляя его парадоксами, пренебрегая логикой: казалось, что онъ просто думаетъ вслухъ, чтобы разобраться въ томъ, что его въ данное время волнуетъ, чѣмъ живетъ его душа, его живой и не дисциплинированный умъ.

На «Четвергахъ» одесскихъ художниковъ, гдѣ столь процвѣтали дружескія шутки, долго придумывали способъ прекращать его вѣчную жажду словесныхъ битвъ, и на конецъ стали дѣлать такъ: что бы Юшкевичъ ни сказалъ, хотя бы самое парадоксальное, всѣ хоромъ кричали: «Правильно, правильно, вѣрно, вѣрно!». Но смутить его бы до трудно, онъ съ веселымъ добродушіемъ, лукаво улыбаясь, черезъ нѣсколько минутъ снова «ставилъ вопросъ». И опять всѣ кричали «правильно! правильно!». И такъ и шло — онъ свое, а хоръ — свое, до тѣхъ поръ, пока ему ни удавалось задѣть кого-нибудь за живое, — а это онъ умѣлъ дѣлать артистически, — и этимъ способомъ разжечь таки споръ.

Повторяю, онъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наивенъ и простосердеченъ, какъ ребенокъ. И всегда нужно и «соборнѣ» любилъ нераскрывать свои чувства и думы, вслухъ читѣйки. Вернулся однажды съ Днѣстра, по которому плылъ нѣсколько дней и долго потомъ кричалъ съ радостнымъ изумленіемъ:

— Нѣтъ, вы не можете представить, какъ это, оказывается, красиво — отраженіе деревьевъ въ водѣ!

Смѣялись, дивились: да что онъ, съ неба что ли упалъ? До сорока лѣтъ дожилъ — и никогда не видѣлъ, какъ берега въ водѣ отражаются? Но это начучъ его не смущало. Ну, что-жъ, вырось и жилъ на морѣ, на рѣкѣ не бывалъ, отраженныхъ деревьевъ не видѣлъ, а разъ самъ не видѣлъ... Для него существовало только то, что онъ видѣлъ самъ.

* * *

Смущеннымъ, тихимъ, молчаливымъ я зналъ Юшкевича только разъ, въ гостяхъ у однихъ нашихъ друзей, очень милыхъ и простыхъ людей, но состоятельныхъ, наслѣдавшихъ отъ отца, пароходовладѣльца, очень богатую обстановку. Юшкевича привезла къ нимъ Андреева, въ то время игравшая въ Незлобинскомъ театрѣ, гдѣ шли приготовленія къ первому представленію «Человѣка воз духа».

Юшкевичъ какъ-то ежился, почти ничего не говорилъ, за столомъ отъ всего отказывался, и очень скоро сталъ тихонько звать насъ поскорѣй уѣхать.

На улицѣ онъ объяснилъ:

— Ахъ, нѣтъ, не люблю я этихъ золоченыхъ стулчиковъ, этихъ зеркалъ въ золоченыхъ рамахъ, этихъ люстръ, мраморныхъ столовъ... Мнѣ всегда въ такой обстановкѣ не по себѣ. Я просто сидѣть не могу!

Но они же культурные люди, онъ изобрѣтатель, интересуется литературой, а обстановка у нихъ наслѣдственная, они въ ней не виноваты, — говорили мы.

— Все равно, не могу видѣть подобныхъ домовъ! И зачѣмъ только Андреева прита плила меня туда!

Мы отправились въ Литературно - Художественный Кружокъ, гдѣ онъ спросилъ себѣ селедку, отварного картофеля и водки, — свое любимое, и сразу сталъ веселѣ, какъ всегда, задирчивъ и шумѣнъ.

* * *

Одесса. Добровольческое время. Зима. Только что былъ отпразднованъ двадцатилѣтній юбилей Юшкевича. Мы въ гостяхъ у другой его, людей очень гостепріимныхъ, которые чествуютъ его въ тѣсной компаніи. Онъ читаетъ третью часть своего Леона Дрея. Читаетъ онъ на этотъ разъ особенно хорошо, съ какимъ то особымъ, присущимъ ему юморомъ, съ какой то почти неуловимой усмѣшечкой, съ ужимочками, самъ любуясь своимъ героемъ, смакуя его, какъ какую - нибудь «печеночку».

Слушаю и вспоминаю другое его чтеніе, въ совершенно иной обстановкѣ и среди иныхъ людей: въ Москвѣ, у драматурга Гарина. Всѣ присутствовавшіе на томъ чтеніи испытывали какое то недоумѣніе, недовѣріе къ этому Леону Дрею — ужъ очень Леонъ былъ чуждъ московской жизни и ужъ очень авторъ давалъ его, казалось, утрированнымъ. Здѣсь было не то, здѣсь, на родинѣ Леона, понимали его лучше, раздавались голоса, что это своего рода Безъ - Ами, что Дрей типъ общечеловѣческій, что его будутъ переводить на всѣ языки...

* * *

Юшкевичъ принадлежалъ къ людямъ, которые живутъ только настоящимъ, и все настоящее, было ли это политическое событіе, новая пьеса, захватывала его чрезвычайно. Обо всемъ новомъ, злободневномъ онъ могъ говорить, спорить безъ конца.

Вѣроятно, отъ этой же тяги къ новому онъ не сразу отвернулся отъ большевиковъ. Онъ долго отставалъ ту точку зрѣнія, что нужно работать въ Агитъ - Просвѣтѣ, что бы своимъ вліяніемъ сдерживать новыхъ властителей и по-своему направлять культурную работу. И онъ страстно уговаривалъ тѣхъ, кто отказывался отъ этого: «Просвѣщать всегда и при всякихъ властяхъ хорошо и нужно», — повторялъ онъ своимъ пре рывистымъ голосомъ, искренне не понимая того непріятія совѣтской власти, какое было у нѣкоторыхъ съ первыхъ же дней появленія ея. Не покинулъ онъ Одессы и передъ деникинской эвакуаціей. Но пришелъ срокъ, и онъ не побоялся съ рискомъ для жизни не только своей, но и всей семьи бѣжать заграницу, чтобы стать эмигрантомъ, хотя онъ могъ, переѣхавъ въ Москву, устроиться тамъ недурно. Его разсказы о рогахъ съ трупами разстрѣлянныхъ, за которыми тянулись по улицѣ кровавые слѣды, о своемъ посѣщеніи съ Овсяникомъ - Куликовскимъ Луначарскаго въ чаяніи спасти жизнь журналисту Горскому, или о томъ, какъ онъ бѣгалъ по Одессѣ, ища повсюду невернувшуюся во время домой дочь, отдавали жутью и лучше всякихъ признаній говорили, что душа его не примѣлетъ большевизма.

* * *

У него былъ рѣдкій даръ любить. Онъ, что бываетъ очень рѣдко, какъ - то со всѣмъ безболѣзненно для всѣхъ тѣхъ, кого любилъ, умѣлъ дѣлить свои чувства между ними.

Н. А. Нилусъ, ближайшій другъ его, въ біографіи о немъ, называетъ его «мучениковъ любви». И справедливо. Но едва ли онъ мучилъ тѣхъ, кого любилъ, ибо всѣ стремленія его души заключались въ томъ, что бы дать побольше радостей близкимъ сердцу его, будь то его семья, родные, друзья.

По образу жизни онъ мало походилъ на современнаго русскаго писателя. Онъ жилъ не въ Пасси или въ Отей, а въ шумныхъ кварталахъ центра Парижа. Дома у него не о немъ всѣ заботились, а онъ обо всѣхъ. Года два они занимали такую квартиру, что не только отдѣльной комнаты не было у него, но даже и особаго письменнаго стола. И онъ всѣ силы употреблялъ на то, чтобы облегчить хозяйственныя трудности женѣ, что бы дать наилучшее образованіе дѣтямъ, раз вить ихъ таланты, съ волненіемъ слѣдилъ за ихъ успѣхами и насколько возможно дѣлалъ имъ жизнь радостной. Я часто, когда видала имъ жизнь радостной. Я часто, когда видала ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ нимъ, вспоминала его разговоръ со мной на Николаевскомъ бульварѣ: да, онъ не шутилъ тогда. Вообще, я думаю, онъ всегда былъ искреннѣ, всегда говорилъ то, что думалъ.

Послѣдніе годы онъ очень былъ нервенъ и часто, вмѣсто споровъ на отвлеченныя темы, говорилъ о будущемъ, о томъ, какъ жить, чтобы семья ни въ чемъ не нужда - лась. И, наконецъ, рѣшился на самое для себя тяжелое, на разлуку съ семьей: отправился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Америку для устройства своихъ театральныхъ дѣлъ.

Послѣднее свое лѣто онъ проводилъ съ семьей въ Жуанъ-ле-Пинъ. Мы пріѣзжали въ дружественной компаніи. Онъ очень посѣщалъ, купался въ морѣ, былъ опять оживленъ, шуменъ, много спорилъ, — слово, сталъ похожъ на прежнаго, одесскаго, но только смягченнаго и даже какого то проникновеннаго. Онъ то заговаривалъ о прелестяхъ нашей жизни, то о томъ, что «шесть родовъ чернѣй» будутъ пожирать насъ послѣ смерти, то съ несвойственной ему серьезностью проявлялъ интересъ къ потусторонему. Самъ онъ не считалъ себя вѣрующимъ, иногда даже рѣзко кощунствовалъ, но какое то безпокойство, какая то тревога чувствовались теперь въ немъ. Матеріалистъ, думается, онъ все же никогда не былъ.

Славянофилъ Самаринъ писалъ: «Душа человѣка, какъ одно изъ звеньевъ міроваго единства, непрерывно, помимо познанія, ощущаетъ въ себѣ органическую связь съ всемірной жизнью и во всѣхъ своихъ переживаніяхъ непроизвольно регулируется космическимъ чувствомъ, такъ, что по существу душевная жизнь человѣка всегда ремиг осна (въ широкомъ смыслѣ этого слова); все равно, мыслитъ ли человѣкъ религіозную основу бытія или въ заблужденіи уверяетъ ее изъ своихъ разсчетовъ».

Вотъ мнѣ и кажется, что у Юшкевича на чало пробуждаться тогда это «космическое чувство».

В. Муромцева.